

Все умел...

Из весьма серьезного документа, именуемого аттестационным листом, 1969-й год: имярек «обладает большим практическим опытом по пуску, наладке и внедрению различных типов электропечей, в том числе вакуумных, дуговых, водородных, печей сопротивления. Сам был конструктором, и под его руководством создан ряд хороших электротермических устройств. В работе его отличает добросовестность, знание дела, умение работать руками...».

О нем же — из книги «Фантастика века», вышедшей в 1995 году в известной подписной серии «Итоги века. Взгляд из России»: «Дебютировал повестью «Будет хороший день!» (1965). Известен повестями «Субмарина «Голубой кит», «У меня девять жизней», романом «Дом скитальцев». Последние годы выступает как литературный критик под псевдонимом Александр Зеркалов...»

Инженер-термист, писатель, рукодельщик, умевший справляться с любым закап-ризначившим «железом», литературный критик — это всё Саша, Александр Исаакович Мирер (1927—2001). Великое многообразие интересов и, если так можно сказать, умени-ый было, наверное, его самым удивитель-ным свойством. Еще он участвовал в фан-тастическом (литературном, разумеется) альманахе «Завтра», выходившем в 1990—1992 годах, был редактором в издательстве «Текст». Его книга «Евангелие Михаила Булгакова» вышла в США; наверное, в недале-ком будущем ее издадут и в Москве.

В память о Мирере здесь и напечатаны от-рывки из этой нетривиальной вещи.

Александр Зеркалов, из книги «Евангелие Михаила Булгакова»

«Мастер и Маргарита» поразителен тем, что он весь построен на притяжении-отталкивании, похож на лоскутное одеяло, сшитое крепчайшими нитками. Роман выглядит предельно дезорганизованным, эклектичным: трагедия, сказка, буффонада, откровенные до дерзости литературные реминисценции, мудрость, площадной цинизм — все перемешано и семантически, и по стилю. Булгаков махнул рукой на ремесленные правила — и победил. Ибо перед его читателем, пусть даже шокированным раешным зубоскальством, возникает то, что более всего необходимо человеку: объект сопереживания. И — что встречается много реже — объект для размышлений...

А. Н. Стругацкий
и А. И. Мирер (справа)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

... Римский наместник в Иудее Понтий Пилат, жестокий угнетатель народа, ведет себя как гуманный, сочувствующий Иисусу человек, а евреи, наоборот, с воплями требуют его смерти. Нам внушается, что Пилат, обязанный в первую очередь подавлять восстание, был готов, под нажимом евреев, освободить заключенного бунтовщика Варавву, чтобы заменить его Иисусом...

С одной стороны, из изложения явствует, что Михаил Булгаков, выбравший линией своей новеллы развитие Иоанновой (то есть евангельской. — *Ред.*) истории, отошел от исторической трактовки. С другой стороны, я считаю Булгакова чрезвычайно образованным историком, а его рассказ в основном правдоподобным. Двойственность эта не случайна. Дальше я попытаюсь показать, что Булгаков основал свою работу на иных христологических предположениях и на ином отношении к Евангелию.

Две односторонние идеологии столкнулись на тесном плацдарме Ближнего Востока, и обоюдная нетерпимость обернулась взаимной ненавистью. Справедливости ради надо заметить, что первоначально ненависть родительской церкви была сильней. Талмуд проклял и самих христиан, и их жертвы богу, и хлеб их, и вино, и книги (как «чародейские»), а их детей объявил незаконнорожденными... Уничжая своего Иешуа Га-Ноцри формально, но изображая его праведником, по существу, христианской веры, автор «Мастера и Маргариты» показал себя двусторонним еретиком. Его позиция неприемлема для обеих конфессиональных верований, она решительно шокирует ортодоксов и с той, и с другой стороны — а в особенности христиан. Попробуем разобраться, зачем он это сделал — не только же для решения сюжетной задачи...

По-моему, он считал, что суть Христовой проповеди независима, во-первых, от идеологических распрей, во-вторых — от мистических одежд, в которые принято облекать Иисуса, в том числе от его мистического происхождения. Вместе с проповедью он как бы отделил от христианской церкви личность Иисуса Христа, превратив его в Га-Ноцри, отрубленную ветвь.

Есть и менее значимый аспект. Строя биографию своего героя на базе взаимоисключающих и к тому же религиозных источников, Булгаков показал, что не пытается воссоздать историческую фигуру Иисуса.

Пилат у Булгакова

... Иешуа объявил себя человеком самого низкого происхождения — иными словами, лицом, по иудейским условиям, политически неопасным.

Следующие его ответы окончательно отбрасывают и

Почему действие, начавшись в Москве, четырежды пребывает ершалаимскими сценами?

Почему Сатана, едва явившись в Москву, казнит незначительного литературного деятеля? И за что?

Можно ли считать Иешуа Богом-сыном? Если можно, то почему он так не похож на Христа?

Почему Сатана творит не зло, а некое зло-добро, более похожее на добро? Какое произведение перед нами? Религиозное или атеистическое?

Таких вопросов можно сформулировать еще десяток или два десятка, Самим фактом своего существования они отвечают на вопрос, единственно важный для литературоведения: в чем тайна очарования? Но все вместе они заставляют читателя конструировать робкую или отважную, наивную или мудрую этическую идею...

Тема противостояния Бога и дьявола привычна, традиционна и потому кажется раз и навсегда разрешенной: Бог есть добро, дьявол — зло. Несомненно, тема лишь выглядит такой. Но для читателя она служит мостками, по которым он может пройти над фарсовым глумливым хохотом. А ступив на эти мостки, кажущиеся прямыми, читатель попадает в настоящий лабиринт, о чем свидетельствуют сформулированные только что вопросы.

Если исследователь желает понять, в чем секрет невероятного, массового успеха «Мастера и Маргариты», он должен пройти по лабиринту и **найти** в нем порядок, организующий читательское сопереживание. Да, но есть ли такой порядок?..

евангельскую, и Флавию информацию о биографии Иисуса:

«— Где ты живешь постоянно?

— У меня нет постоянного жилища, — застенчиво ответил арестант, — я путешествую из города в город.

— ...Родные есть?

— Нет никого. Я один в мире».

Нет родни, упоминаемой в Евангелиях, и нет брата Иакова, о котором писал Флавий. «Один в мире» — следовательно, неопасен. Но прокуратор так не считает. Идет следующий вопрос: «Так ты собирався разрушить здание храма и призывал к этому народ?» — повторяется вопрос по смыслу обвинения, и теперь Иешуа на него отвечает: «Я, игемон, никогда в жизни не собирався разрушить здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие»...

В этой части допроса все время обыгрываются евангельские фрагменты — но судья и обвиняемый совсем не похожи на прототипы. Для первого, пожалуй, все решено. А второй отчаянно защищается — благо, больной судья не мешает ему говорить. «Эти добрые люди... ничему не учились и все перепутали, что я говорил», — отбивается Иешуа, а Пилат мягко и зловеще предупреждает: «Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник... за тобою записано немного, но записано достаточно, чтобы тебя повесить». Тогда Иешуа, не представляя себе, какой серьезный документ в руках прокуратора (поразительная наивность!), начинает говорить о записках своего ученика:

«— Нет, нет, игемон, — весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный, — ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил...

— Кто такой? — брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой.

— Левий Матвей, — охотно объяснил арестант, — он был сборщиком податей... Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой...».

Это — характеры. Они зеркальны по отношению к Евангелию. Иешуа мягок, наивен, словоохотлив, искателен — это ли Иисус, бунтарь и дерзец? А Пилат ничему не верит: «О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем. Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу!».

То, что христианину показалось бы правдивым, язычнику Пилату кажется доказательством лжи. И счастье еще, что Иешуа умеет обходиться с людьми и нашел верный тон — кротостью и обходительностью добился серьезного допроса и успел вернуть насчет собаки: «... Не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться...» Но пока ничего не помогает. Адская боль торопит прокуратора «изгнать с балкона этого странного разбойника, произнеся только два слова: «Повесить его». Все против обвиняемого, даже болезнь! Только привычка к дисциплине и, возможно, крошечная искорка интереса — воистину удивительного при несчастном состоянии Пилата — побуждает его задавать «никому не нужные вопросы». С болезненным упорством, путаясь в мыслях, этот образцовый судья (что необходимо признать) спрашивает в третий раз о сути дела — что все-таки говорилось «про храм толпе на базаре?»...

Пилат получает, наконец, ответ по сути дела: «Рухнет храм старой веры, и создастся новый храм истины». Ответ составлен из трех высказываний Иисуса у Иоанна. Там Иисус объявляет себя провозвестником истины. Здесь Иешуа возвещает ее приход безотносительно к себе. Там истина разыскивается внутри старой, иудейской, веры.

Здесь — в отрицании ее.

Ответ Иешуа исторически парадоксален, ибо он продолжает линию развития идеи от Марка и Матфея к Иоанну и уходит дальше Иоанна, опережая историю событий минимум на столетие. Но психологически такой ответ исключить нельзя, а для булгаковской задачи он был наилучшим. Как удар меча, он разрубил последние связи проповедника с мятежным иудаизмом, одновременно провозгласив ультима рацию христианской церкви.

Казалось бы, теперь Иешуа оправдался. Других вин, сверх покушения на храм, ему не инкриминируют, а эта вина оказалась мнимой.

Э, нет! Прокуратору не важно, что подразумевал Иешуа, ведя крамольные речи. Важно, как они толковались слушателями... «Зачем же ты, бродяга, на базаре **смуцал народ**, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления?» — спрашивает Пилат.

Выделенные мною слова, видимо, формулируют суть обвинения. «Смуцал народ» — следовательно, опасен. Этими словами игемон как бы утвердил приговор Синедриона. Но воспаленный его мозг вдруг рождает лишний, «ненужный на суде» вопрос: «...Что такое истина?» И, зацепившись за эту оплошность судьи, арестант творит свое единственное чудо — излечивает приступ гемикрании.

Пожалуй, и не чудо. С невероятной проницательностью Иешуа рассказывает Пилату о его состоянии, о его мыслях и переходит к уверенному внушению: «Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет»... А убедившись, что внушение подействовало, закрепляет успех: «Ты производишь впечатление очень умного человека... Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон, — и тут говорящий позволил себе улыбнуться». (Жены у булгаковского Пилата, очевидно, нет.) Молниеносный, безжалостный анализ — подсудимый судит судьбу! «Секретарь... постарался представить себе, в какую именно причудливую форму выльется гнев вспылчивого прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованного...»

Секретарь ошибся. Прокуратор говорит: «Развяжите ему руки».

«С этого времени Пилат искал отпустить Его» — по Иоанну.

...Булгаковская задача решена. Но теперь предстоит сверхзадача — заставить такого сильного человека, как игемон, расстаться с любовью, может быть, первой в его волчьей жизни.

Ловушка

В некотором роде Булгаков попал в ловушку. Пилат, минуту назад готовый казнить «разбойника» практически без вины, теперь готов его покрывать — всей властью императорского наместника... Чтобы заставить его отступить, обвинение должно быть убийственным и неотразимым. Но где взять такое обвинение? Материалы следствия, очевидно, исчерпаны.

И вот римский правитель, прежде чем продиктовать приговор, для порядка спрашивает: «Все о нем?» Секретарь говорит: «Нет, к сожалению» — и подает второй пергамент — с убийственным политическим обвинением.

Возникает несколько вопросов. Почему в деле содержится два документа? Почему приговор Синедриона основан на сравнительно легких религиозных обвинениях? Почему секретарь, отчетливый служака и внимательный подчиненный, заставил страдающего принцепала возиться с этими легкими обвинениями, а серьезное приберег напоследок?..

Появление второго, самостоятельного документа кажется вынужденным. Иначе нельзя было сделать так, чтобы Пилат сначала полюбил, а потом все-таки казнил. Сюжет конструировался ради первой части задачи: чтобы полюбил. Для чего и пришлось придержать второй пергамент. Имея всю информацию, человек в плаще с кровавым подбоем решил бы дело за считанные секунды.

Но вопросы, поставленные нами, требуют ответа. Иначе придется считать построение «Мастера» искусственным; объявить весь его сюжет психологически противоречивым...

Второй пергамент

Этот документ — ритмический аналог обвинения, предъявленного у Иоанна Христу и косвенно — Пилату. Смысл обоих обвинений также совпадает.

Дело происходит так. Секретарь подает пергамент, и Пилат смертно пугается. Ему мерещится кесарь Тиверий, слышатся грозные слова: «Закон об оскорблении величества». Прокуратор спрашивает: «Слушай, Га-Ноцири... ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?... Или... не... говорил? — Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту». Иешуа, который минуту назад продемонстрировал величайшую наблюдательность, не принимает сигнала «солги!». Он простодушно замечает, что «правду говорить легко и приятно...» Тогда Пилат еще и еще раз пытается направить его на запирательство. (Обратите внимание, только так реализуется в новелле идея Троицы — как трехкратное повторение ключевых высказываний.) Но Иешуа упорно не желает лгать («не солги!») — хотя ему прямо было сказано о «мучительной и неизбежной смерти», его ожидающей... И он вываливает все подряд: «...Позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из города Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом... и угостил...»

— Добрый человек? — спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах.

— Очень добрый и любознательный человек, — подтвердил арестант, — он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

— Светильники зажег... — сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали».

...Итак, состоялась тайная вечеря, на которой было не тринадцать человек, а всего двое — без статистов... Что там произошло?

«...Попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть», — рассказывает Иешуа. «В числе прочего я говорил... что всякая власть является насилием

над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

— Далее!

— Далее ничего не было, — сказал арестант, — тут вбежали люди, стали вязать меня и повели в тюрьму».

Вечеря была полицейской ловушкой. Этот сюжетный перевертень раскрывает технику ареста, по Евангелиям непонятную... Проницательный философ не замечает руки, протянутой ему Пилатом... Иешуа, как и евангельский его прототип, вроде бы сам, целенаправленно, идет к гибели, увлекая за собой Пилата и Иуду.

Но это — очередная мистификация, создающая ощущение предопределенности только у невнимательного человека. Очень скоро — в конце допроса — характер Иешуа окончательно проясняется: «А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить».

И по смыслу, и по тону этой просьбы ясно, что Иешуа вплоть до последней секунды не замечал гибели, ибо он и вправду наивен до невменяемости. Что никакого — на мой взгляд, отвратительного и бесчеловечного — стремления к смерти у Иешуа не было. Наивное прямодушие арестанта было не только христианским «не лжесвидетельствуй», но и безумной слепотой.

Тем не менее — «горе тому человеку, которым Он предается». Горе Иуде и горе Пилату, но прежде всего — Иуде. И — без предопределения, о котором беспрерывно толкует Новый Завет. Если смерть Иешуа и предопределена, то он об этом не знает. До последней минуты Иешуа надеется, во время исполнения казни он растерянно улыбается и старается заглянуть в глаза палачам...

Булгаков отбросил не только предопределенность первого уровня — библейскую. Он отверг и последующую, новозаветную — в сущности, освобождающую и Иуду, и Пилата от ответственности перед совестью.

Несомненно, идея божественного предопределения противоречит идее личной ответственности. Бог, этот кукольных дел мастер, поставил к ширме дьявола, и на руку ему надел Иуду.

Булгаков это отверг. И ввел иное предопределение — социальное...